

сцене, в зале — знаменитость на знаменитости, Парнас на Олимпе. Кто-то называет это праздником; что до меня, подобная концентрация бомонда не представляет собой ничего приятного. Ибо происходит она у нас — в стране, все еще гордящейся своими масштабами, — в чудовищной тесноте, если не сказать давке.

Давка поджидала уже на подходе к Художественному и представляла собой нечто среднее между толкучкой за углом на Тверской у «Эсте Лаудера», арт-тусовкой и съездом народных депутатов. Прорваться можно было только с помощью локтей, которые приходилось сдерживать из страха задеть министра культуры или, того хуже, Аллу Демидову.

Театр начинается с вешалки. Но где сказано, что ею тут же и кончается? Пока гардеробщики проверяли исправность наушников и раздавали бинокли, спектакль пошел, и двери в зал замкнулись. Вместе с драматургом Славкиным и другими отверженными мы ринулись на самую верхотуру, которой достигли как раз к приезду Раневской. Полусидя скрючившись на полу, пытались украдкой заглянуть поверх голов на сцену и проникнуть в суть режиссерской концепции.

Мученья продолжились в антракте: друг мимо друга сновали представители театральной общественности, с трудом различая до боли знакомые лица в полутемных коридорах. Не знаю, как было в общедоступном после памятной встречи в «Славянском базаре», но даже в наше неуютное время атмосфера отреставрированного здания показалась шедевром сумрачной унылости, почти достойным первого акта у Штайна. Отвлек от этих мыслей хлопок по плечу, которым удостоил меня ныне знаменитый отечественный режиссер. Не встречал его уже много лет и сам бы ни за что не опознал в полумраке. Что значит сноровка, правила игры и пребывание в том же самом контексте.

Замечу, что сказанное ни в малейшей степени не относится к театру, построенному в честь доблестной армии и являющему собой революционное опровержение всякой потной толкотни. В этом величественном храме можно прохладно раскланиваться издали и нужно обладать цыганским темпераментом, чтобы хоть частично разморозить и согреть сцену. Но это в скобках.

В общем, почувствовал я себя прямо-таки Наташей Ростовой в оперной ложе и спрятавшимся за ее спиной наивным автором. Много, если не все, казалось до изумления странным в доме, именуемом Театром. Но я убедил себя в том, что это исключительно моя личная проблема, связанная с долгим заточением в башне из слоновой кости и развившейся с возрастом клаустрофобией.

В театре

И тогда я решил податься в кино. Надо же было так случиться, что фильм назывался — «Вишневый сад». Поставлен он был итальянским режиссером, известным и сценическими версиями злополучной пьесы. Артисты были не очень известные — разве что Мариза Беренсон (киноманы помнят ее по «Кабаре») в роли Шарлотты-затейницы. Впрочем, как же — Раневскую играла Сюзан Страсберг, через отца унаследовавшая представительство на Западе от имени системы Станиславского. Текст был ужат до полутора часов, обстановка и персонажи слегка латинизированы (Яшу звали Джакобо), но авторы не пожалели места и усилий а) для эффектного новаторства трактовки; б) для излияний широкой русской души.

Новаторство заключалось в том, что пока Шарлотта устраивала космический фейерверк, все остальные по взаимному согласию распределились попарно. Дуняша забавлялась под вишней с Джакобо, Раневская нашла свое счастье на столе с Лопахиным, а Гаев, которому выпал последний нечетный номер, предавался блюду сам с собою у шкафа. Но помимо симультанного эротического, все переживали коллективный духовный экстаз: в эти моменты вступала какая-нибудь особенно русская песня. В первый раз — «Калитка», во второй — совсем в точку — «Сулико».

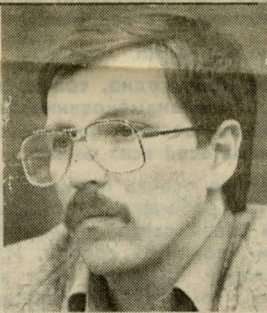
Потом я вспомнил про новую готовящуюся экранизацию «Трех сестер», о которой ходят слухи совсем уж сенсационные. Якобы Соленый неравнодушен

там к Тузенбаху и всячески ограждает его от союза с Ириной, мотивируя тем, что та на самом деле не по-сестрински влюблена в Ольгу. Вспомнил — и решил покаяться перед театрами. Все же, по сравнению с киношниками, люди они хорошие. Правильные люди.

Андрей ПЛАХОВ.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

II

ПРИУРОЧЕННАЯ к чеховскому фестивалю романтическая активизация театральной жизни затронула даже таких безнадежно плохих зрителей, как я. А когда-то был хорошим. Исправно посещал все премьеры. Не отставал от новинок студийного движения. А еще раньше простаивал по входному билету целые вечера на галерке знаменитого театра, добираясь до него аж из Домодедова. Теперь живу в двух шагах от этого театра, но пыл угас. Наверное, все оттого, что раньше на меня влияли хорошие люди (в частности, некоторые театральные критики), а теперь плохие и сугубо киношные.

Тем не менее — вспыхнувший ажиотаж не миновал и меня, заставив проглотить подряд сразу три «Вишневых сада». Очевидно, по причине дисквалификации и выпадения из контекста, впечатления мои даже близко не совпали с теми, что талантливо изложены в рецензиях фестивальных обозревателей. Постановка Петера Штайна показалась (кроме первого акта) показательно декоративной: стиль «Березки» доведен дотошным немцем до совершенства и способен теперь служить образцом для экспортных изделий МХАТа. Мюзикольное решение Андрея Щербана, возможно, представилось бы забавным, если бы не посылая примесь политической карикатуры. Больше всего заинтриговал, оставив в сознании несколько темных пятен, спектакль Отомара Крейчи, упрямо неконтактный, верный своей внутренней идее фикс.

Но речь сейчас не об этом. А о том, как чувствует себя человек, давно не бывавший и вдруг оказавшийся в театре. И не на рядовом спектакле, а на самом престижном, где не только на